

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гареева Л.М., Кравчук Т.В., Тоухар А.О. Ритмическая организация прозы А. П. Чехова // Litera. 2025. № 2. С.332-342. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73256 EDN: FKKQ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73256

Ритмическая организация прозы А. П. Чехова

Гареева Лилия Махмутовна

ORCID: 0000-0001-8046-9762

кандидат филологических наук

доцент; кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

111397, Россия, г. Москва, ул. Новогиреевская, 19/2, кв. 26

 liliyagareeva@yandex.ru

Кравчук Татьяна Витальевна

ORCID: 0000-0002-5639-2467

преподаватель; кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

141591, Россия, Московская область, пос. Новая, ул. Лесная, 39

 kravts012596@gmail.com

Тоухар Ангелина Олеговна

ORCID: 0009-0009-7962-0029

преподаватель; кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

142718, Россия, Ленинский городской округ автономный округ, г. Рп Бутово, ул. ЖК Бутово-парк, 19, кв. 119

 a1999god@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73256

EDN:

FFKKQ

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Статья посвящена специфике ритма в прозаических произведениях А. П. Чехова. В качестве материала были использованы тексты рассказов «Смерть чиновника», «Дама с собачкой», «Душечка» и повесть «Степь». В ходе исследования проводился анализ синтаксических конструкций, повторяющихся деталей и мотивов, создающих особую динамику повествования, характерную для произведений писателя. В анализируемых текстах обнаруживались и описывались специфические черты ритма прозаических произведений А. П. Чехова, характеризующиеся смысловой наполненностью, ритмико-синтаксическими особенностями речи персонажей, стройностью и равномерностью строения синтаксических единиц, зачастую контрастностью значений фрагментов фразы. Особое внимание уделялось выявлению взаимосвязи ритма повествования и тем, мотивов, образов, сюжетных эпизодов в выбранных для анализа произведениях А. П. Чехова. В теоретической части работы были применены общенаучные методы – анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение; типологический и описательный методы. В практической части исследования нашел применение прием сплошной выборки из четырех выбранных произведений А. П. Чехова, применялись элементы дискурс-анализа. Научная новизна исследования заключается в выявлении характерных для прозы А. П. Чехова ритмических особенностей, тесной взаимосвязи ритма повествования с темами, эпизодами, речевыми характеристиками героев. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: а) речь автора и героев, развитие сюжета и ритмическая организация текста неразрывно связаны в художественном единстве произведения; б) наиболее продуктивным в прозе А. П. Чехова ритмическим средством является синтаксический параллелизм, основанный на совпадении состава и порядка следования членов предложения в смежных конструкциях или синтагмах; в) ритмическое развитие сюжетных повторов зачастую связано с движением речи персонажей; г) особенно распространеными в чеховском повествовании являются конструкции с союзом «но», создающие контраст между характером, духовной жизнью персонажа и внешними обстоятельствами его существования, его поведением.

Ключевые слова:

деталь, мотив, повтор, подтекст, композиция, ритм, ритмическая организация, параллелизм, синтаксис, синтаксическая конструкция

Введение. Понятие «ритм» (лат. *rhythmus* – протекать, стремиться) в лингвистике и литературоведении обычно трактуется как последовательное, равномерное чередование определенных звуковых или речевых явлений.

Ритму поэзии в отечественной филологии посвящено достаточное количество научных работ, однако до сих пор остаются нераскрытыми многие вопросы, связанные с ритмической организацией прозы.

Специфические качества ритма прозы не могут быть истолкованы с помощью характеристик, применимых к стихотворному ритму. В прозе нет ни акцентированной равномерности речевого членения, ни последовательно проведенного принципа повтора, который охватывает и сопоставляет все элементы стиховой структуры. Различные виды синтаксических повторов зачастую обнаруживаются и в художественной

прозе, однако проявляются лишь как тенденция и стабильно прослеживающаяся далеко не у всех писателей.

На наш взгляд, изучение ритмической организации прозаических произведений русской литературы представляет собой актуальное и перспективное направление исследований, так как ритм прозы до сих пор остается одним из самых спорных вопросов языкоznания. Дискуссионными являются как вопросы, связанные с трактовкой термина и сущностью прозаического ритма, так и сам факт его наличия. Хотя в настоящее время у большинства ученых последнее уже не вызывает сомнений, так как во многих исследованиях говорится о том, что ритм напрямую связан с речью и влияет на нее, и это постоянно проявляется в выстраивании порядка слов в конструкциях, в определении места логического и фразового ударения. В художественном повествовании ритмическая организация выполняет уникальную эстетическую функцию, создавая неповторимый авторский стиль и звучание произведений.

Обзор литературы. Во многих работах, посвященных ритму прозаического текста (О. И. Барановой, Э. Т. Болдыревой, Ф. А. Гибайдуллиной, М. М. Гиршмана, Е. М. Ефремовой, В. М. Жирмунского, А. Р. Калашниковой, Л. В. Кишаловой, А. М. Пешковского, Boudreault, Gauthier), рассматриваются минимальная ритмическая единица, синтагма или ритмическая группа.

В исследованиях В. М. Жирмунского говорится о том, что «основой ритма прозы являются различные формы грамматико-сintаксического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанного словесными повторениями (особенно анафорами). Они образуют композиционный остов ритмической прозы, заменяющий метрически регулярные композиционные формы стиха» [\[10, с. 46\]](#).

В монографии Г. Н. Ивановой-Лукьяновой читаем: «Ритм прозы, в отличие от ритма стиха, представляет собой сложное явление. В нем учитывается равномерность чередования различных ритмообразующих элементов, а именно: ударных слогов, межсintагменных (межфразовых) границ и интоационных типов. В соответствии с этим мы выделяем в прозаическом ритме три характеристики: слоговую, сintагматическую (фразовую) и интоационную» [\[14, с. 12\]](#).

Ритм в тексте воплощается как чередование конструкций различных типов, слов во фразах, синтагм, а также слогов. Такое чередование помогает автору создать определенное настроение и передать динамику развития описываемых событий. Обе функции важны для восприятия текста. Правильно подобранный ритм поддерживает внимание читателя, ведет его за собой, позволяет лучше передать авторскую мысль и проследить ее развитие [\[6, с. 134\]](#).

Специфику ритмической организации произведений А. П. Чехова уделяли внимание такие исследователи, как М. Арвинте, Н. П. Бадаева, П. Бицилли, А. А. Белкин, В. Я. Лакшин, Г. Н. Иванова-Лукьянова, Н. Я. Берковский, Н. М. Фортунатов, А. П. Чудаков и др.

Материалы и методы. В настоящем исследовании рассмотрены ритмообразующие сюжетные повторы, а также чередующиеся темы и мотивы, реплики героев рассказов «Смерть чиновника» (1883), «Дама с собачкой» (1898), «Душечка» (1899) и повести «Степь» (1888), проанализированы ритмико-сintаксические особенности чеховского повествования.

Методологическую базу исследования составили теоретические и практические методы.

В теоретической части использовались общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение), а также типологический и описательный методы. С целью обоснования выдвинутых положений в практической части использовался прием сплошной выборки из четырех произведений А. П. Чехова, применялись элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность ритмообразующих единиц и их функции в прозе А. П. Чехова.

Результаты исследования. Специфической чертой прозы А. П. Чехова является тесная взаимосвязь ритмико-речевого строя повествования и развертывания тем, мотивов, образов, сюжетных линий в художественной ткани произведения.

В исследованиях Н. М. Фортунатова содержится ряд справедливых, на наш взгляд, замечаний относительно ритмико-композиционных принципов прозы А. П. Чехова: «Утверждение в экспозиции двух контрастирующих эмоционально-образных потоков, их дальнейшее «сквозное» развитие, сложные внутренние преобразования и взаимодействия; наконец, слияние в репризе в одном эмоциональном строе прежде резко противопоставленных тем – вот типологические особенности структурного плана его новелл» [\[15, с. 19\]](#).

В исследованиях прозы А. П. Чехова были отмечены такие ритмико-сintаксические особенности, как «плавность и симметричность ритмико-сintаксических конструкций, обусловленные преобладанием сложносочиненных предложений; внутреннюю смысловую сложность и противоречивость соединяемых компонентов фразы; зависимость ритма и сintаксиса речи героев от их характера; обусловленность ритмических изменений подтекстом» [\[6, с. 136\]](#).

Ритм рассказа «Смерть чиновника» создается с помощью сюжетных повторов, связанных с извинениями чиновника Червякова перед генералом Бризжаловым за досадную оплошность, допущенную им в театре. Каждый из этих эпизодов предваряется внутренней речью Червякова, в которой раскрывается его характер и образ мыслей. В начале рассказа Червяков еще сохраняет самоуважение и не слишком сожалеет о своем «конфузе». Чехов использует прием сintаксического периода, части которого внутри связаны лексическим повтором: *Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и.. апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают.* Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим **чиханьем?** [\[19\]](#)

Повтор, часто встречающийся в произведениях А. П. Чехова, нередко ритмизует фразу, создает смысловые акценты. Обычно автор использует повтор предложений и их частей с целью упорядочения и ритмизации их структуры [\[5, с. 225\]](#).

В предпоследнем предложении периода также содержится градация, подчеркивающая спокойствие и умелое самооправдание Червякова: *и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники.* Далее, по мере развития событий, самоуважения остается все меньше и меньше, что подчеркивает сбивчивая и неуверенная внутренняя речь персонажа.

Большую роль в ритмической организации рассказа «Душечка» играют сюжетные повторы, связанные с образом главной героини. Истории любви Олењки Племянниковой предваряются кратким описанием ее жизни до замужества, объясняющим многое в ее

характере (или его отсутствии) и позволяющим сделать вывод, что автор не только иронизирует над «душечкой», но и в какой-то степени понимает ее, сочувствует ей: *Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда, раз в два года, приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка* [18].

В каждом из повторяющихся эпизодов с мужьями, ветеринаром и мальчиком Сашей можно выделить момент, когда Оленька «полюбила»: *В конце концов несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила...* Через три дня пришел с визитом и сам Пустовалов; он сидел недолго, минут десять, и говорил мало, но Оленька его полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и горела, как в лихорадке... Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всем такого же мнения, как он. Было ясно, что она не могла прожить без привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигеле. Оленька поговорила с ним, напоила его чаем, и сердце у нее в груди стало вдруг теплым и сладко сжалось, точно этот мальчик был ее родной сын [18].

Ритмическое развитие сюжетных повторов связано и с движением речи: каждый раз, обретая новую сердечную привязанность, героиня начинает говорить так же, как ее избранник. Самые яркие примеры тому – в эпизодах с Кукиным и Сашей: – Но разве публика понимает это? – говорила она. – Ей нужен балаган! ... Шутка ли, вчера в первом классе задали басню наизусть, да перевод латинский, да задачу... [18].

В образе Душечки совмещены не только примитивность, бесхарактерность, наивность и отсутствие индивидуальности, но и мечта о счастье, любви, стремление посвятить всю жизнь любимому человеку. А. П. Чехов построил двойственный образ героини, что прослеживается на протяжении всего произведения от начала рассказа, где дана портретная характеристика: «Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая» [18]. Последнее уточнение очень здоровая сразу снижает благоприятное впечатление, которое начинало было складываться.

Часто у Чехова значительное, даже трагическое событие из-за одной детали перестает быть таковым, снижается: *Кукина похоронили во вторник, в Москве, на Ваганькове; Оленька вернулась домой в среду, и как только вошла к себе, то повалилась на постель и зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах* [18].

Драматизм в данном эпизоде снижается за счет упоминания единственной детали (зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах).

В ряду самых частотных у А. П. Чехова ритмических средств особенно выделяется синтаксический параллелизм, при котором в синтагмах или расположенных рядом предложениях аналогичный состав членов предложения и порядок их следования. Приведем примеры из текста повести «Степь»: *Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла... Облако спряталось, загорелые холмы нахмурились, воздух покорно застыл, и одни только встревоженные чибисы где-то плакали и жаловались на судьбу* [20].

Синтаксический параллелизм здесь усиливает ритмичность за счет совпадающего количества слов и повторяющихся ударений в симметричных частях. Это создает интонационную зозвучность и даже эффект монотонности повествования. Однако тот же

прием используется автором и для создания эффекта постоянного чередования звуков дороги, повторения и смены пейзажей: *Над дорогой с веселым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы* [20].

Первым абзацем в рассказе «Степь» являются два сложных предложения с разными видами обособленных членов предложения и однородными членами: *Из N., уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка, одна из тех допотопных бричек, на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники. Она тарахтела и взвизгивала при малейшем движении; ей угрюмо вторило ведро, привязанное к ее задку, – и по одним этим звукам да по жалким кожанным тряпочкам, болтавшимся на ее облезлом теле, можно было судить о ее ветхости и готовности идти в слом* [20].

Такое монотонное и сложное начало настраивает читателя на лирический лад и придает особую живописность и звучание повествованию. В произведении практически нет сюжета в его классическом понимании – с завязкой, кульминацией и развязкой. Повествование представляет собой ряд импрессионистских сценок и зарисовок, объединённых общей сюжетной канвой – путешествием Егорушки.

Традиционным для чеховского повествования является и контраст между характером, духовной жизнью персонажа и внешними обстоятельствами его существования, его поведением. Часто этот контраст подчеркивается противопоставлением с союзом «но». Так, в рассказе «Дама с собачкой» мы наблюдаем подобные примеры: *Ему не было еще сорока, но у него была уже дочь двенадцати лет и два сына-гимназиста. ... он москвич, по образованию филолог, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил, имеет в Москве два дома... А от нее он узнал, что она выросла в Петербурге, но вышла замуж в С., где живет уже два года...* [17].

Противительные предложения с союзом «но» здесь также передают противоречия между возрастом и другими характеристиками героя и фактами его биографии.

Противоположность смыслового содержания частей в пределах одной фразы часто используется Чеховым и для усиления комического эффекта: *Он [Кукин] был счастлив, но так как в день свадьбы и потом ночью шел дождь, то с его лица не сходило выражение отчаяния* [18].

Важной особенностью чеховской ритмики является развертывание различных тем и планов, в том числе противопоставленных друг другу, и стройно-симметричное их распределение. Так, в рассказе «Степь» повествование о трагических событиях в жизни Егорушки сменяется унылым городским пейзажем: *Когда бабушка умерла, ее положили в длинный, узкий гроб и прикрыли двумя пятаками ее глаза, которые не хотели закрываться. До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики, посыпанные маком, теперь же она спит, спит... А за кладбищем дымились кирпичные заводы. Густой, черный дым большими клубами шел из-под длинных камышовых крыш, приплюснутых к земле, и лениво поднимался вверх. Небо над заводами и кладбищем было смуглого, и большие тени от клубов дыма ползли по полу и через дорогу. В дыму около крыш двигались люди и лошади, покрытые красной пылью...* [20].

Еще одной характерной чертой, создающей особый ритм в рассказах Чехова, является повторяющаяся деталь. Так, в рассказе «Дама с собачкой» в описаниях интерьера, пейзажа и внешности героини преобладают предметы и детали серого цвета: серый

забор, серые глаза, серое платье, серое одеяло и др. Цвет подчеркивает скуку и безысходность жизни персонажей, помогает воссоздать монотонный и размеренный ритм их жизни: *Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями. «От такого забора убежишь», – думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор* [17].

Повествованию А. П. Чехова свойствен и характерный способ представления героя читателю. При первом появлении персонажа автор постоянно прибегает к обособлению, часто применяет уточняющие или пояснительные обороты, в которых даются сведения о семье, статусе, профессии героя, его возрасте и внешности, деталях одежды и т.п. Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, **невысокого роста блондинка, в берете**: за нею бежал белый шпиц... Это была женщина высокая, **с темными бровями, прямая, важная, солидная и**, как она сама себя называла, **мыслящая...** Вместе с Анной Сергеевной вошел и сел рядом молодой человек с небольшими бакенами, **очень высокий, сутулый**; он при каждом шаге покачивал головой и, казалось, постоянно кланялся [17].

В рассказе «Душечка» самым ярким повторяющимся мотивом является мотив чаепития. Данный мотив всегда несет у Чехова дополнительную смысловую нагрузку. Когда его герои пьют чай, а жизнь их, пустая и никчемная, проходит, читатель понимает всю пошлость и бессмысленность существования этих людей.

С самого начала в рассказе возникает лирический мотив увеселительного сада «Тиволи», содержателем которого был Кукин, первый муж Оленьки Племянниковой. С помощью этого мотива автор передает внутреннее состояние героини, ее настроение в юности, до замужества и после смерти второго мужа и отъезда ветеринара: ... по вечерам и по ночам ей слышно было, как в саду играла музыка, как лопались с треском ракеты, и ей казалось, что это Кукин воюет со своей судьбой и берет приступом своего главного врага – равнодушную публику; сердце у нее сладко замирало, спать совсем не хотелось; ... очевидно, лучшие годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. По вечерам Оленька сидела на крылечке, и ей слышно было, как в «Тиволи» играла музыка и лопались ракеты, но это уже не вызывало никаких мыслей. Глядела она безучастно на свой пустой двор, ни о чем не думала, ничего не хотела, а потом, когда наступала ночь, шла спать и видела во сне свой пустой двор. Ела и пила она, точно поневоле [18].

Еще одна повторяющаяся деталь рассказа – ночная телеграмма – придает особую значимость открытому финалу. Появляясь впервые в эпизоде, когда Оленька узнает о смерти первого мужа, эта деталь возвращается в finale рассказа: *Вдруг сильный стук в калитку. Оленька просыпается и не дышит от страха; сердце у нее сильно бьется. Проходит полминуты, и опять стук. «Это телеграмма из Харькова, – думает она, начиная дрожать всем телом. – Мать требует Сашу к себе в Харьков... О господи!»* Она в отчаянии; у нее холдеют голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнее ее нет человека во всем свете. Но проходит еще минута, слышится голоса: это ветеринар вернулся домой из клуба [18].

Введение этой детали в финал позволяет сделать предположение, что жизнь героини еще далеко не окончена и все может повториться. Возможно, Душечка всю жизнь стремилась к своему архетипическому воплощению – роли женщины-матери, и любовь к чужому ребенку – самое сильное чувство в ее жизни.

Ритмические изменения и переходы в прозе А. П. Чехова зачастую вызваны

особенностями распределения, развертывания и соединения линий повествования. При этом в finale гармонично соединяются и логически разрешаются ритмообразующие мотивы, темы и планы. Так, три повторяющихся эпизода в рассказе «Душечка» (с мужьями и ветеринаром) логически ведут к четвертому. Внешне события в четвертом эпизоде идут по той же схеме, что и в предыдущих: встретила, полюбила, переняла речь, привычки и мнения и т.п. Но в четвертом эпизоде героиня обретает наконец свое истинное призвание – материнство. Лишь в finale раскрывается истинная сущность этой женщины, доброй, заботливой, не видящей недостатков своего чада. Авторская ирония здесь становится доброй: *Она останавливается и смотрит ему вслед, не мигая, пока он не скрывается в подъезде гимназии. Ах, как она его любит!* [18].

Если в предыдущих сюжетных повторах в авторском отношении было больше иронического, присутствовал даже сарказм, то ближе к finale автор начинает более сочувственно относиться к своей героине, в finale же ирония исчезает совсем: *Из ее прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаботно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней все более и более разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А кто ж его знает – почему?* [18].

Многие рассказы А. П. Чехова тяготеют к романизированной структуре. В одном коротком рассказе прослеживается большая часть жизни героя. Значительная нагрузка ложится на организацию ассоциативного фона, особенно на создание подтекста, в котором большую роль играют ритмические изменения и повторы. Автор напрямую не выражает свое отношение к герою или событию, часто оно заметно только из подтекста.

Большую роль в создании ассоциативного фона играет соединение в рамках одной синтаксической конструкции имен прилагательных с противоположной, контрастирующей семантикой: *Приехала жена ветеринара, худая, некрасивая дама с короткими волосами и с капризным выражением, и с нею мальчик, Саша, маленький не по летам (ему шел уже десятый год), полный, с ясными голубыми глазами и с ямочками на щеках* [18].

Раздвигая временной диапазон сюжета, создавая ассоциативный фон и эффект недосказанности в finale, А. П. Чехов романизирует небольшую повесть или рассказ, выводит их значение и смысл за рамки конкретного сюжета. Развитие ритмико-событийной составляющей повествования чрезвычайно значимо для художественного мира чеховских рассказов.

Обсуждение и заключения. Таким образом, характерным для прозаических произведений А. П. Чехова является finale разрешение сложного ритмико-речевого соединения во внутренне противоречивом повествовании с ровной, структурно выверенной внешней организацией текста.

В произведениях перед нами нередко оказывается бессобытийное и бесперспективное существование, тем не менее ведущее к его осознанию героями, создающее напряженность и обостряющее понимание ими необходимости перемен. И в этой повторяемости тем, мотивов и каждодневных реалий А. П. Чехов передает тягостное однообразие жизни, нарастающую скорбь от уходящей жизни.

В результате анализа ритмических особенностей ряда рассказов Чехова мы пришли к заключению, что ритм в них тесно связан с описываемыми событиями, однако может

вступать во внутреннее противоречие с ними. Нужно также отметить, что важной особенностью прозы А. П. Чехова является тесная взаимосвязь ритма повествования и тем, мотивов, образов, сюжетных эпизодов в композиционном единстве произведения. Речь автора и персонажей, развитие сюжета и ритмическая организация текста неразрывно сплетены между собой, что является важной чертой художественного мира Чехова.

Библиография

1. Баранова О. И. Ритм как лингвистическая категория. Восточнославянская филология. Языкоznание. 2023. № 16 (42). С. 116-123.
2. Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Советский писатель, 1989. 496 с.
3. Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 710 с.
4. Болдырева Э. Т. К вопросу о способах языковой презентации ритмической организации структуры текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2. С. 5-10.
5. Гареева Л.М. Средства экспрессивного синтаксиса в повести А. П. Чехова «Черный монах» // Litera. 2024. № 12. С. 224-232. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72787 EDN: PHZUOK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72787
6. Гареева Л. М., Тишина Е. В., Черкашина С. П. Ритмико-синтаксические особенности рассказа А. П. Чехова «Душечка» // Гуманитарные науки и образование. 2024. № 15. С. 133-137.
7. Гибайдуллина Ф. А. Ритмическая организация романа Д. Данилова "Саша, привет!" // Слово в зеркале истории языка. Набережные Челны, 2023. С. 63-71.
8. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Сов. писатель, 1982. 367 с.
9. Ефремова Е. М. Ритмическая и звуковая организация как принцип структурной целостности стихотворения И. Гоголя "Поляна поэзии". Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 7. С. 2233-2237.
10. Жирмунский В. М. Теория стиха. Советский писатель. Ленингр. отд-е, 1985. 664 с.
11. Кишалова Л. В. Экспериментальное исследование ритмической структуры текста // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии. Материалы I Международной электронной научной конференции БашГУ. 2015. С. 92-95.
12. Калашникова А. Р. Средства первичной ритмизации публицистических текстов (на материале газетной публицистики) // Lingva mobilis. 2013. № 5, 125-141.
13. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
14. Ритм прозы от Карамзина до Чехова. Монография под ред. Г. Н. Ивановой-Лукьяновой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 336 с.
15. Фортунатов Н. М. Музыкальность чеховской прозы // Филологические науки. 1971. № 3. С. 14-26.
16. Черкашина С. П. Женские образы сказки "Как Пенелопа" Л. Петрушевской в свете психоаналитической концепции человеческой личности К.Г. Юнга: художественно-антропологический аспект // Учитель в системе современного антропологического знания. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Ставрополь, "Бюро новостей", 2016. С. 501-508.
17. Чехов А. П. Дама с собачкой. <https://ilibrary.ru/text/976/p.2/index.html>.
18. Чехов А. П. Душечка. <https://ilibrary.ru/text/995/p.1/index.html>.
19. Чехов А. П. Смерть чиновника. <https://ilibrary.ru/text/987/p.1/I/index.html>.
20. Чехов А. П. Степь. <https://ilibrary.ru/text/1337/p.1/index.html>.
21. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 288 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает ритмическая организация прозы А. П. Чехова, актуальность изучения которой обусловлена тем, что ритм прозы русской литературы до сих пор остается одним из самых спорных вопросов языкоznания: «ритму поэзии в отечественной филологии посвящено достаточное количество научных работ, однако до сих пор остаются нераскрытыми многие вопросы, связанные с ритмической организацией прозы». Труды современных лингвистов свидетельствуют о том, что «ритм напрямую связан с речью и влияет на нее, и это постоянно проявляется в выстраивании порядка слов в конструкциях, в определении места логического и фразового ударения. В художественном повествовании ритмическая организация выполняет уникальную эстетическую функцию, создавая неповторимый авторский стиль и звучание произведений». Материалом данного исследования послужили ритмообразующие сюжетные повторы, а также чередующиеся темы и мотивы, реплики героев рассказов «Смерть чиновника» (1883), «Дама с собачкой» (1898), «Душечка» (1899) и повести «Степь» (1888).

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды таких российских ученых, как А. М. Пешковский, Н. М. Фортунатов, Н. Я. Берковский, В. М. Жирмунский, А. П. Чудаков, Г. Н. Иванова-Лукьянова, О. И. Баранова, П. М. Бицилли, Л. М. Гареева, Л. В. Кишалова, Е. М. Ефремова, Э. Т. Болдырева и др., посвященные ритму как лингвистической категории, ритмической и звуковой организации структуры поэтического и прозаического текста, а также исследованиям творчества А. П. Чехова. Библиография насчитывает 21 источник, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание, что в рукописи отсутствуют ссылки на некоторые источники, хотя их авторы упоминаются. Данное замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение работы и носит рекомендательный характер.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачам: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного анализа, обобщения; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; типологический метод. В целях обоснования выдвинутых положений в практической части применяется прием сплошной выборки синтаксических конструкций, обладающих экспрессивностью; а также элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить pragматическую сущность экспрессивных построений и их дискурсивные функции.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно изучить ритмико-синтаксические особенности чеховского повествования и сформулировать ряд аргументированных выводов: ритм в рассказах Чехова «тесно связан с описываемыми событиями, однако может вступать во внутреннее противоречие с ними»; «важной особенностью прозы А. П. Чехова является тесная взаимосвязь ритма повествования и тем, мотивов, образов, сюжетных эпизодов в композиционном единстве произведения»; «речь автора и персонажей, развитие сюжета и ритмическая организация текста неразрывно сплетены между собой, что является важной чертой художественного мира Чехова».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие такого

научного направления, как ритмическая организация прозаических произведений русской литературы, в изучение специфики ритмической организации в идиостиле отдельного писателя. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по общему языкознанию, теории языка и дискурса, по лингвистическому анализу текста, в спецкурсах, посвященных творчеству А. П. Чехова.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».